

И.В. Бруяко

НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ НА ТЕМУ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые проблемы греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья. Две из них связаны с греко-варварскими контактами. Это наличие балканских (фракийских) традиций в культуре архаической Березани, и вопрос о скифском протекторате над греческими колониями в конце архаической и начале классической эпох. Третья заметка посвящена взаимоотношениям между двумя крупнейшими полисами в регионе – Истрией и Ольвией. Предполагается, что Истрия распространила область своей экономической экспансии в архаическую эпоху вплоть до низовьев Ю. Буга. Затем, в позднеклассический период Ольвия сдвинула свои границы к западу, к побережью Одесского залива. Наконец, последний сюжет касается взаимоотношений между греческими поселениями Нижнего Побужья и районом колонизации в Западном Крыму. В архаическую эпоху, эти отношения определялись главным образом присутствием населения кизилкобинской культуры на Березанском поселении (судя по лепной керамике). В период поздней классики – раннего эллинизма можно говорить об обмене агрокультурными технологиями между этими регионами.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, греческая колонизация, фракийцы, скифы, лепная керамика

Abstract: In this article some problems regarding of Greek colonisation of the North-West Pontic region are considered.

Two of them have relation to the Greek and barbarian cultural contacts. These are the presence of Balkan (Thracian) traditions in the cultural of Berezan' site in the archaic period and issue about the state of Greek colonies under the Scythian protection on the border of archaic and classical periods. The third note is devoted to the relationship between two largest poleis in the region – Histria and Olbia. It is assumed, that Histria expanded the area of its economic expansion in archaic period until the Lower Bug area. Then, in the late classical time Olbia moved its border to the west by Odessa bay coast. And the latest plot is a relationship between Greek sites of Lower Bug area and West Crimea colonisation area. These relations during the archaic period were mostly determined by presence of population of Kizil-Koba culture on the Berezan' island (due for hand-made pottery). In the late classical and the early Hellenistic period it is possible to speak about exchange between these regions with agricultural technology.

Key words: North-West Black Sea Region, Greek colonisation, Thracians, Scythians, hand-made pottery

Проблемы, связанные с ранней фазой древнегреческой колонизации Северо-Западного Причерноморья находятся постоянно на виду. Даже тогда, когда на этом направлении наблюдается дискуссионная седативность, можно быть уверенным, что подобное затишье лишь кажущееся и оппоненты просто копят силы и аргументы для возобновления полемики.

В данной статье хотелось бы поделиться соображениями, которые касаются отдельных сюжетов, связанных между собой в довольно большую длительность – с VII по IV вв. до Р.Х. Это и начало колонизации, и сущностный её характер, и проблема межполисных отношений, а также отношений между элинами и варварами. Каждый из этих сюжетов способен материализоваться в солидный том. Поэтому, здесь не ставится задача их всестороннего изучения. Вместо этого, предлагается рассмотреть некоторые новые (или акцентировать старые) смыслы, уточнить их содержание и предложить, по возможности, новые интерпретации.

Сюжет первый. Балканские традиции в культуре архаической Березани.

Вряд ли найдётся много специалистов, которые будут отрицать, что формирование материальной культуры ранней Березани происходило под влиянием (или при участии) нескольких культурных традиций. Если оперировать масштабами культурно-исторических провинций, то таких традиций насчитывается четыре. Эгейская (элинская) всегда считалась доминирующей, поскольку именно ей принадлежала формообразующая функция. Это справедливо, даже если разделять эмпириальную теорию в её наиболее радикальной форме (варварское предположение). Вторую традицию можно назвать северопонтийской (условно «скифской»), третью – балканской (безусловно фракийской). Две последние – это факторы, сопутствовавшие элинской доминанте, а их присутствие отмечалось параллельно с ней с самого начала существования населённого пункта на острове. Наконец, существовала и четвёртая традиция, локальная и весьма ограниченная по времени действия и значимости – это крымская, или таврская. Механизм её участия, пожалуй, наиболее сложен для понимания, и это мы обсудим далее¹.

Античная цивилизация, привнесённая на берега Понта Эвксинского, представляла собой т.н. эпохальный тип культуры, и, основание

¹ Последнее время в культурном спектре Березани наметилась ещё одна, пятая по счёту культурная традиция – анатолийская (фригийская). Признаки этой традиции появились на острове опосредованным образом (*Dupont P., Lungu V., Solovyov S. Ceramiques anatoliennes du Pont-Euxin archaïque // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. М.-лы XII междунар. научн.конф. Ростов-на-Дону, 2009. С. 22–27*). При этом речь может идти только о керамике. Стилиевое сходство некоторых образцов с расписной фригийской посудой действительно велико. Однако С.А. Соловьёв, по-видимому, для большей убедительности проводит параллели ещё и в приёмах домостроительства, которые на его взгляд роднят березанские землянки с помещениями фригийских городов и, в частности, Гордиона (*Соловьёв С.А. Народы Малой Азии и проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сб. науч. трудов, посв. 65-летию проф. В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013. С. 62–77*). Приходится признать, что вновь, как и в случае с этнической принадлежностью березанских землянок, эта параллель из-за своей неточности и неуместности портит всю картину. Автору никак не удаётся совладать с процедурой интерпретации строительных остатков.

колоний в Северном Причерноморье стало мощным катализатором самых различных процессов в регионе, в том числе и этнокультурных. Наиболее выразительными среди них были локальные миграции, которые привели к появлению среди колонистов-эллинов выходцев из районов компактного проживания туземного населения. И уже со второй пол. VII в. в районах колонизации в материальной культуре самих полисов, а затем и поселений их окружи замечается вполне узнаваемый варварский колорит. Главным компонентом материальной культуры, который служит доказательством этого присутствия, является лепная керамика, как носитель этно- (культуро-) диагностических признаков. Эта точка зрения господствует слишком давно, чтобы на неё не легла тень сильнейших подозрений в научном догматизме. И, на сегодняшний день формируется довольно серьёзная оппозиция такому традиционному взгляду на лепную керамику. Некоторые призывают вообще отказаться от прямого соответствия между лепной керамикой и физическим присутствием варваров². Другие подходят к проблеме с более умеренной критикой, в частности, пытаются реанимировать идею до- или, точнее, предколониальных варварских поселений, существование которых объясняет наличие в более поздних античных слоях лепной керамики³.

В настоящей работе не ставится задача защиты концепции этнической идентичности ЛК. Однако и совершенно оставаться в стороне от набирающей обороты её ревизии невозможно. Тем более, что именно лепная керамика наиболее массово и ярко представляет балканский колорит в материальной культуре архаических поселений Нижнего Побужья. Исходя из этого мы сосредоточимся лишь на одной из четырёх групп лепной керамики, выделенных в своё время К.К. Марченко, а именно – фракийской⁴. Вначале всё же несколько слов об упомянутой ревизии взглядов.

² Буйских С.Б. К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени // ССПіК. 2007. Т. XIV. С. 110–125; Крыжицкий С.Д. О двух тенденциях в исследовании проблем греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье VI–V вв. до н.э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва-Киев-Запорожье, 2007. С. 61–118. Первая из этих работ – наиболее содержательная, программная статья, в которой в тезисном виде собрана практически вся доказательная база по вопросу санации колониальных областей от нежелательного этнического компонента. Здесь же можно найти и список сторонников этой идеи.

³ Зубарь В.М. Борисфен и некоторые проблемы греческой колонизации Нижнего Побужья // *Stratum plus*. 2005–2009. № 3. С. 106–107; Сенаторов С.Н. Лепная керамика поселения на острове Березань: из раскопок Государственного Эрмитажа 1963–1991 гг. // Борисфен–Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. Т. 1. С. 184–185.

Изобилие лепной керамики обеспечивал ряд образов, в которых варвары присутствовали (могли присутствовать) в греческих полисах – брачно-семейный, трудовой (производственный), служебный, лично зависимый.

⁴ Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I вв. до н.э. (по материалам лепной керамики). Л., 1988. С. 107 и сл.

Как ни странно, но возрождению концепции В.В. Лапина в значительной мере поспособствовал С.Л. Соловьёв – один из наиболее активных противников этой идеи. Его излишне прямолинейная попытка разделить землянки Березани по этнокультурному признаку и тем самым «добавить ясности» в этом вопросе, дала прямо противоположный эффект⁵. Сегодня, среди противников отождествления лепной керамики с варварским населением, одним из самых популярных является тезис о принадлежности этой продукции к числу эллинских культурных стандартов. Действительно, нужно согласиться с тем, что какая-то часть ЛК могла быть изготовлена руками «этнически чистых» эллинов. Относительно короткая навигация, долгая зима и быстро бьющаяся тонкая столовая керамика, особенно в малокомфортных жилищах архаической эпохи – всё это могло в самом деле вынудить жителей отдельных хозяйств научиться такому, в общем-то, нехитрому ремеслу, как производство лепной посуды. В данном случае эту продукцию можно рассматривать как эрзац-посуду. Однако согласиться с тем, что абсолютно вся лепная керамика есть продукт технологического и дизайнерского творчества колонистов, вряд ли возможно, ибо тогда неминуемо возникает следующий вопрос. Почему в разных городах Северного Причерноморья, основанных примерно в одно и то же время, одной и той же метрополией, изготавливалась и использовалась морфологически разная лепная керамика? Причём разница эта образуется за счёт черт, присущих именно варварским стандартам ЛК соответствующей этногеографической области. На северо-востоке – это меотский, в центре – условно «скифский», на северо-западе и западе – безусловно, фракийский.

Другой тезис гласит, что лепную керамику заносили в города отдельные группы и личности, образу жизни которых сопутствовала высокая горизонтальная мобильность. Однако несистемный (случайный) характер распространения ЛК в эллинских городах какими-то социальными группами варварского мира (бродяги-ремесленники, проточумаки, нищие, побиравшиеся по городам), плохо согласуется с массовым характером находок ЛК. Приписывая таким маргиналам традиции лепного керамического производства, критики не особо следят за логикой и последовательностью собственных рассуждений. Так, они полагают, что вся эта публика представляла собой неких понтийских перизков – выходцев из окружавших полис варварских племен⁶. Однако о каком варварском окружении идет речь, если в окрестностях Ольвии, Березани, Тиры нет следов варварских поселений? Этот ныне бесспорный факт был замечен В.В. Лапиным, который придал ему статус аргумента в своей теории этнокультурного пуризма эллинских центров. Нет варварских поселений – нет и соответствующего

⁵ К слову, подобные парадоксы оптимизации встречались в истории не раз. Иногда они несли разрушительное начало цивилизационного масштаба (напр., *filioque*). Хотя, в данном случае, всё значительно скромнее.

⁶ Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 84. Прим. 16.

населения. Позже, правда, выяснилось, что варварам вполне по силам было преодолевать некоторое расстояние и их присутствие в том или ином центре совсем не обязательно должно было быть связано с наличием или отсутствием туземных поселений за стенами города и даже во всей отдельно взятой области, будь-то низовья Гипаниса-Борисфена или Тираса.

Иногда на роль потребителей лепной керамики, как дешёвой продукции, определяют беднейшие слои населения полиса⁷. При этом неясно, о каком неимущем населении можно говорить применительно, скажем, к Березанскому поселению второй пол. VII в. или Ольвии первой пол. VI в. до Р.Х. Какими темпами в таком случае должна была идти социализация общества, чтобы в коллективе равноправных колонистов за десять-двадцать лет успел сложиться целый слой «неимущего» населения?

Что касается тезиса о торговле лепной керамикой, неважно внешней или внутренней, то это положение может разделять человек, никогда не видевший эту, скажем, малоэстетичную категорию материальной культуры из раскопок северопонтийских городов⁸. Во всяком случае, очень трудно представить себе, что именно подобным образом в слоях античных городов депонировалась значительная часть лепной посуды.

Предварительный итог блиц-обсуждения данной темы можно сформулировать следующим образом. «Обветшавшим идеям»⁹ нужно противопоставлять нечто большее, чем просто набор самых разных по степени обоснованности суждений, объединённых больше риторически, чем логически. К примеру, можно попробовать создать собственную концепцию, хотя бы такую же основательную по теоретическим и фактическим параметрам. Это, разумеется, потребует известных усилий. Поэтому предпочтительнее привычный, короткий путь к знанию. Например, со ссылками на новую литературу¹⁰.

⁷ Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Указ. соч. С. 84. Прим. 16.

⁸ Скорее, тогда можно говорить о распространении лепной керамики как сувенирной продукции вызывающе брутального облика. Примерно в таком качестве на вилле Диониса рядом с Кносским дворцом на Крите могла оказаться узкогорлая светлоглиняная амфора т.н. «танаисского» типа (Hayes J.W. The villa Dionysos excavations Knossos: The pottery // BSA. 1983. No. 78. P. 144, fig. 21/32; P. 162). Кажется, эта находка вызвала неподдельное изумление.

⁹ Буйских С.Б. Указ. соч. С. 121.

¹⁰ Для С.Б. Буйских таким открытием стала работа С. Пападопулоса (Papadopoulos S. The "Thracian" pottery of South-East Europe: a contribution to the discussion on the handmade pottery traditions of the historical period // BSA. 2001. No. 96. P. 157–194). Впрочем, комментарии киевского археолога показывают, что содержание этой работы от него по каким-то причинам ускользнуло (Буйских С.Б. Земляночное домостроительство эпохи колонизации Северного Причерноморья (на примере Нижнего Побужья) // БИ. 2005. Т. IX. С. 14–15; он же. К проблеме греко-варварских контактов... С. 118). С. Пападопулос нигде не говорит о том, что лепная керамика античных центров – исключительно продукт эллинского производства. Скорее, наоборот. При этом, обсуждение проблемы АК у С. Пападопулоса сводится к нескольким

Впрочем, явная склонность критиков к конформизму, положения которого озвучиваются, как правило, в конце статьи¹¹, фактически сбивает весь полемический накал вокруг означенного вопроса. Возможно, именно поэтому сторонники этнической идентичности лепной керамики никак (или почти никак) не реагируют на инвективы оппонентов.

Появление фракийской керамики в Побужье произошло на значительном расстоянии от её исконного, исторического ареала. Он, разумеется, не был стабильным в своих границах, однако на момент начала колонизации ближайшим таким районом являлась Северо-Восточная Добруджа¹². Здесь в результате колонизации в целом, и основания Истрии в частности, образовалась зона культурной гравитации, которая консолидировала вокруг себя те, казалось бы, окончательно деградировавшие осколки обширного фракийского континуума, распавшегося буквально в самый канун появления первых эллинских посёлков¹³. Таким образом, значительный процент фракийской лепной керамики, который фиксируется в Аргамуме, Истрии и на ранних поселениях округа, вполне объясним. Затем, в полном соответствии с вектором дальнейшей колонизации Северо-Западного Причерноморья, эта же керамика распространилась в низовьях Борисфена-Гипаниса. Причём, не сама по себе и не посредством кого-то постороннего, а вместе с населением – носителем данной керамической традиции. Эти доводы в основном сформулированы уже давно. Набор аргументов тоже, в общем, устоявшийся. Однако появилась и новая информация.

Всесторонний анализ открытых недавно на Березани медеплавильных комплексов привёл авторов раскопок к выводу о работе этих

модным интерпретационным моделям, на фоне которых он предлагает свою, сводя всю проблему к неким пережиткам в религиозно-культурной практике (*Paradopoulos S. Op. cit. P. 189–191*). Решение настолько же оригинальное насколько и неубедительное. Да и в целом работа оставляет много вопросов по части осведомлённости автора и его готовности обсуждать эту тему. Так, немалое удивление вызывает то, что, рассуждая о факторе ЛК в эллинских колониях, в том числе и Северо-Западного Причерноморья, Пападопулос не знает (или делает вид, что не знает) ни единой работы из целого корпуса штудий по данной теме советской и постсоветской школ. В результате некоторые «откровения» автора (напр., *Paradopoulos S. Op. cit. P. 184*) – банальное следствие незнания историографии

¹¹ См., напр.: *Буйских С.Б.* К проблеме греко-варварских контактов... С. 120–121.

¹² Другим районом мог быть бассейн Среднего Днестра (нижний участок в пределах Молдавии). В течение второй пол. VII в. до Р.Х. здесь завершался процесс дезинтеграции фракийской общности периода среднего гальштата. Какая-то часть населения отсюда могла также влиться во фракийскую диаспору Нижнего Побужья (*Бруяко И.В.* Формирование фракийской «диаспоры» в Нижнем Побужье в архаическую эпоху // БФ. 2004. Ч. II. С. 217–221).

¹³ *Бруяко И.В.* Ранние кочевники в Европе. X–V вв. до Р.Х. Кишинёв, 2005. С. 208, 219.

мастерских на карпатском сырье¹⁴. Это научный факт, опираясь на который можно попытаться восстановить некоторые исторические события. Достаточно очевидно, хотя бы по соображениям экономической рентабельности, что транспортировка карпатской руды на Березань осуществлялась морем. Но тогда уже совершенно очевидно, что во второй пол. VII в. до Р.Х. попасть на Березань минуя Истрию карпатская руда не могла, поскольку до 600 г. на побережье Левого Понта других гаваней не было. Оставим на время вопрос о странных географических предпочтениях при организации производственного (металлургического) цикла. По факту, мы должны прийти к выводу о том, что в каком-то сегменте экономической деятельности имела место некая кооперация между Березанью и Истрией, в которой, в свою очередь, можно усматривать зависимость первого полиса от второго. По форме этой зависимости определённно сказать ничего нельзя. Оценки могут варьировать от крайней степени – торгово-ремесленный (или ремесленно-торговый) эмпорий Истрии – до ситуативной (сезонной, обусловленной конкретными событиями, потребностями в связи с этими событиями и т.п.)¹⁵.

Если согласиться с этим тезисом, то тогда объяснить феномен лепной керамики фракийского типа, неведь откуда взявшейся в ранних слоях Березани в изрядном количестве, совсем несложно. Напомню, что среди этой керамики есть очень архаичные образцы, датировка которых во фракийской метрополии не выходит за рамки VII в. до Р.Х. и которые, кроме Березани, больше на античных поселениях Северного Причерноморья нигде не известны. Речь идёт, прежде всего, о столовой керамике, украшенной каннелюрами¹⁶.

Противникам отождествления соответствующей керамики с носителями фракийского этноса не стоит забывать, что баканский вклад в формирование колонизационной структуры в Побужье определяет не только лепная керамика. Обратимся к другим признакам, обозначающим этот вклад.

Недавние исследования довольно неожиданно показали, что Березанское поселение входит в ареал боевых однолезвийных ножей фрако-илирийского типа. Это оружие в небольшом количестве известно

¹⁴ Доманский Я.В., Марченко К.К. Борисфен: к вопросу о базовой функции колонии. Начало // Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет. Тез. докл. конф. СПб., 2001. С. 16–18; *они же*. К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 22–27.

¹⁵ Результаты работ на Березани и их интерпретация вполне подтверждают «сырьевую» теорию колонизации, о которой писал в частности Ю.Г. Виноградов (*Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. (историко-эпиграфическое исследование)*. М., 1989. С. 55), допуская её приоритет в каких-то отдельных районах колонизации.

¹⁶ Марченко К.К. Указ.соч. Рис. 25, 28; Бруяко И.В., Ярошевич Ю.И. Гордище у с. Новосельское на Нижнем Дунае. Одесса, 2001. С. 42–43.

в Северо-Западном Причерноморье в IV в. до Р.Х.¹⁷ Однако в архаический период такие клинки найдены только на Березани¹⁸.

Побужье, а точнее бассейн Березанского лимана, является частью ареала стреловидных денежных слитков. Считается, что именно во фракийской среде могла зародиться эта форма, являясь, таким образом, фракийской идеей, оформленной в скифском стиле. Причём, Побужье – крайняя восточная область распространения этих монет. А их выход из употребления произошёл синхронно с исчезновением фракийской лепной керамики на хоре Ольвии и свёртыванием самой хоры – в конце первой четверти V в. до Р.Х.¹⁹ В.В. Рубан полагал даже, что выход из обращения стреловидных монет и замена их «дельфинчиками» постепенно произошёл уже во второй пол. VI в. до Р.Х.²⁰

В последнее время благодаря новым находкам и специальным работам ряда исследователей приобрела популярность тема т.н. «иллирийских» булавок. Невзирая на то, что несметное количество этих деталей костюма известно на Балканах, в Греции и Малой Азии, они известны в Причерноморье в архаическую эпоху опять-таки только на Березани²¹.

Наконец, остров – единственный в Северном Причерноморье пункт, где была найдена фибула с приёмником в форме «беотийского щита», которая представляет один из самых распространённых на Балканах тип застёжек второй пол. VII в. до Р.Х.²²

Приведённые выше доводы призваны поддержать фракийскую константу в архаическом Побужье и совершенно не противоречат тому, что Истрия, как минимум, могла быть причастна к освоению низовьев Борисфена и Гипаниса и, как максимум, иметь прямое отношение к возникновению поселения на Березани²³. За этим, в свою

¹⁷ Бруяко И.В. Предметы вооружения из Никония // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев, 1989. С. 68–69.

¹⁸ Назаров В.В., Соловьёв С.А. Оружие архаической Березани // Античное Причерноморье. СПб., 2000. С. 159 сл. К опубликованным находкам следует добавить один неопубликованный фрагмент аналогичного ножа (рукоять и часть клинка), который хранится в березанской коллекции Одесского археологического музея (ОАМ, инв. № 73268).

¹⁹ Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев, 1988. С. 30, 32–33.

²⁰ Рубан В.В., Урсалов В.Н. Из истории денежного обращения в Нижнем Побужье доримского времени // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинёв, 1990. С. 33, с литер.

²¹ Носова Л.В. Импорт изделий или «импорт» традиции (в связи с новыми находками «иллирийских булавок» в Северо-Западном Причерноморье) // МАСП. 2009. Вып. 9. С. 110.

²² Два эпизода – с монетами-стрелками и фибулой – уже приводились К.К. Марченко в поддержку точки зрения о физическом присутствии фракийцев в Побужье (Марченко К.К. Указ. соч. С. 112–114).

²³ Возможно (хотя и не очевидно), что фракийская керамика больше тяготеет к побережью моря (Куцуруб, Бейкуш, Большая Черноморка) и меньше к району собственно Ольвии (Старая Богдановка, Широкая Балка (Марченко К.К. Указ. соч. С. 111)). См. в связи с этим деление Нижнего Побужья на зоны хозяйственно-экономической экспансии Ольвии и Березани, предло-

очередь, можно видеть хозяйственно-экономическую экспансию Истрии на северо-восток, вероятно, более энергичную и основательную, чем представлялось до сих пор.

Сюжет второй. Истрия, Никоний и скифский протекторат.

Едва ли не самый стойкий фракийский колорит среди полисов Северо-Западного Причерноморья в архаическую (да и в классическую) эпоху демонстрирует Никоний, который считается апожией Истрии. Этот статус Никония, обоснованный достаточно давно, время от времени ставится под сомнение, и, как мне представляется, напрасно²⁴. Есть разные примеры, прежде всего археологического свойства, которые косвенным образом подтверждают этот статус. Об особенностях формирования комплекса ЛК и динамике его развития было сказано достаточно. Главное в этом тезисе следующее. Никоний – единственный античный центр к северо-востоку от Дуная, где наблюдается непрерывная линия развития фракийской ЛК от архаики к эллинизму. Причём, удельный вес этой керамики составляет треть (или даже чуть больше) в общей массе лепной посуды²⁵. Очень большое сходство между Никонием и Истрией наблюдается в комплексе сероглиняной гончарной керамики²⁶. Ни на одном из поселений, ни в одном из городов Северного Причерноморья нет такого количества мелкой истрийской монеты, как в Никонии. Монеты-«колёсики» составляют здесь более 90 % всех монетных находок²⁷. Такая исключитель-

женное С.А. Соловьёвым (Соловьёв С.А. Из истории полисов Нижнего Побужья // Античное Причерноморье. СПб., 2000. Рис. 2) и критикуемое другими исследователями (напр., Буйских А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев, 2013. С. 231). Если гипотеза С.А. Соловьёва носит в большей мере вербально-декларативный характер, то исследование М.А. Колесникова, посвящённое этой же проблеме, имеет солидный научно-методический фундамент, коим является пространственный анализ в экономической географии. Автор также приходит к выводу о наличии двух хозяйственно-экономических зон в Нижнем Побужье с центрами в Ольвии и Борисфене и проводит границу между ними (Колесников М.А. К методике определения границ античной сельской округи (на примере Нижнего Побужья и Европейского Боспора) // Ольвийские древности. Сб. научных трудов памяти В.М. Отрешко. Киев, 2009. С. 243–251).

²⁴ Недавно наряду с этим сомнением было высказано и сомнение более широкого свойства – о полисном статусе Никония вообще (Буйских А.В. О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?) // ВДИ. 2013. № 1. С. 33).

²⁵ Бруяко И.В. Лепная керамика греческого Никония // Древности Причерноморских степей. Киев, 1993. С. 58–71.

²⁶ Он же. Северо-Западное Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Начало колонизации Нижнего Поднепровья // АМА. 1993. Вып. 9. С. 68–69.

²⁷ Булатович С.А. Денежное обращение в междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра в античное время // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013. С. 732.

Находка «колёсика» при раскопках Никония не считалась полноценной монетной находкой. Слово «монета» в обиходе сотрудников экспедиции вызывало всплеск эмоций, поскольку обозначало находку «настоящей» монеты. Некоторые сезоны вообще проходили без находок таких «настоящих» монет, тогда

ная насыщенность монетами «чужого» полиса, во-первых, противоречит определению «чужой», во-вторых, не является случайной и, в-третьих, может свидетельствовать о принадлежности Никония и его жителей к территориальной общине истрийского полиса²⁸.

Помимо этого в Никонии есть и другие категории материальной культуры, определённо указывающие на влияния со стороны фракийского мира и античных полисов, внедрённых в него (типы оружия, украшения и литейные формы для их производства, пинтадеры). Наконец, недавно к сугубо археологическим аргументам присоединился и давно ожидаемый памятник лапидарной эпиграфики, который на сегодня является наиболее красноречивым свидетельством по вопросу о Никонии как секундарной апойки Истрии²⁹.

Тема Никония даёт возможность ещё раз обратиться к одному хорошо известному историческому эпизоду, с тем чтобы попробовать разглядеть в нём нечто новое. Несмотря на очевидную спекулятивность последующих рассуждений всё же существует острая потребность поделиться мыслями на эту тему. Речь, в конечном счёте, идёт о концепции т.н. скифского протектората. И не только о самой концепции как отвлечённом научном конструкте, но и об одушевлённом её содержании. Ведущей фигурой сюжета является образ скифского царя Скила. Новелла об этом персонаже в изложении Геродота известна слишком хорошо, чтобы в очередной раз её пересказывать. Поэтому предлагаю расширить её содержание за счёт информации, которая, возможно, скрыта под основным текстом рассказа Геродота.

Благодаря активным исследованиям последнего времени в области династической истории скифских царей мы можем говорить о последовательности их правления, родственных связях и более или менее точных датах их жизни. Так, окончание земного пути Скила исследователи определяют вокруг середины V в. в интервале 460–440 гг., либо в самом конце 3-й четверти этого же столетия³⁰. Первая дата, мне кажется, предпочтительнее, и, исходя из такого предпочтения, год рождения Скила должен находиться где-то в пределах первой четверти V в.³¹, ближе к началу столетия, поскольку, как считали П.О. Карышковский и А.Г. Загинайло, не ранее второй пол. 70-х гг.

как «колёсики», несмотря на их размер, находили всегда и нередко за сезон по полтора-два десятка.

²⁸ «Колёсики» обращались в Никонии вплоть до середины IV в. (*Булатович С.А.* Находки литых монет Истрии в Северо-Западном Причерноморье и проблема их интерпретации // *Древнее Причерноморье. Материалы X чтений памяти проф. П.О. Карышковского.* Одесса, 2013. Вып. X. С. 104). Затем, уже до окончания греческого периода в истории города (середина III в. до Р.Х.), в городе преобладает медная чеканка Тире.

²⁹ *Виноградов Ю.Г.* Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный // *НЭ.* 1999. Т. XVI. С. 50–73.

³⁰ *Историографию см.: Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003. С. 222, 224.

³¹ *Алексеев А.Ю.* Указ. соч. С. 292.

V в. до Р.Х. в Никонии начинается обращение литой монеты с именем этого скифского царя³².

Мы знаем наверняка, что мать Скила была истрианка (Hdt. IV.78), и в данном случае очевидно, что речь идёт о жительнице Истрии. Эта женщина свободно владела греческим языком, и по-видимому, он был для неё родным. Тогда её эллинские корни несомненны, и по рождению она могла быть либо чистой гречанкой, либо иметь примесь варварской (фракийской) крови.

Отец Скила – скифский царь. Брак родителей Скила, очевидно, морганатический, соответственно, жених – скифский царь и одна из его по меньшей мере трёх известных истории невест – простолюдинка эллинского или эллино-фракийского происхождения – познакомились скорее всего случайно³³. По сравнению с женихом, чья мобильность не была ограничена или как-то регламентирована, невеста вряд ли пользовалась такой свободой перемещений. И тогда вполне можно поставить абсолютно будничным вопрос о том, где собственно могли познакомиться или впервые увидеть друг друга будущие родители Скила? И ответ на этот «неакадемичный» вопрос может быть достаточно определённым. Таким местом мог быть пункт постоянного (или длительного) обитания коллектива эллинов – город, торг. Ещё конкретнее, это могла быть либо собственно Истрия, либо какая-нибудь истрийская община за пределами полиса, например, Никоний³⁴.

Скил довольно долго жил вместе с матерью. По крайней мере, столько, сколько нужно было, чтобы она научила сына греческому языку, как разговорному, так и письменному и дала ему соответствующее воспитание. О том, что подобные процессы наиболее успешно и плодотворно протекают в соответствующей языковой и культурной среде – общеизвестно. Именно в такой среде вероятнее всего и прошли детские годы будущего царя. Вероятно, теперь ответить на вопрос о том, почему Скил в качестве своей основной резиденции выбрал именно Никоний – вопрос, который, кажется, никто никогда не ставил – можно исходя из того, что этот город не был чужим для Скила. Так же впрочем, как и Истрия, куда, возможно, бежит Скил после разоблачения своей эллинофильской ориентации. Этот город был родиной его матери (может быть, она ещё жила там в это время), и этот город был Скилу также знаком. Впрочем, поскольку Геродот ничего не говорит о месте, где укрылся беглец (где-то во Фракии...) – это лишь догадка. И всё же находка перстня царя Скила на хоре Истрии эту догадку в какой-то мере подкрепляет³⁵.

³² Загинайло А.Г., Карышковский П.О. Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинёв, 1990. С. 10.

³³ В отличие от «планового», явно династического брака Ариапифа с дочерью одрисского царя Тереса.

³⁴ Впоследствии свою жену-ольвиополитку Скил нашёл не где-нибудь, а именно в Ольвии.

³⁵ Вообще, Скил – личность трагическая, и в этом своём качестве он вполне мог быть героем одноимённой драмы у кого-то из великих афинских тра-

Именно с правлением Скила связывается активная фаза эпохи скифского протектората. Однако сам Скил вряд ли был творцом этой политической системы. Скорее всего, статус протектора был унаследован им от своего отца³⁶. В таком случае введение скифского протектората приходится, вероятно, на самое начало V в. И эту политическую акцию можно считать стабилизирующей по отношению к достаточно бурному предшествующему периоду, когда целая цепь событий привела к смене всей траектории развития в регионе. В общем и целом эта фабула хорошо известна. Сознательно избегая интерпретационных моделей, обратимся к археологическим фактам финала архаической эпохи, которые сопутствовали становлению системы протектората.

Так, для поселения на Березани отмечается значительное снижение активной жизнедеятельности. При этом его жители массово переселяются в Ольвию. В свою очередь, Ольвия обносится оборонительной стеной и обустроивает собственную гавань. До этого город пользовался гаванью Борисфена³⁷. Одновременно прекращается жизнь на большинстве поселений ольвийской хоры. Эти явления, характеризующие процесс дезинтеграции старой структуры в Нижнем Побужье, сопровождаются полным исчезновением фракийской керамики³⁸. То же самое, кстати, происходит и с таврской.

В низовьях Днестра также исчезает хора, а её людской и экономический потенциал аккумулирует в себе Никоний. Однако, по сравнению с Побужьем, удельный вес фракийской керамики в Никонии в V в. сохраняется на прежнем уровне.

Во всех этих событиях просматривается по меньшей мере одна общая тема – фракийская, проводником которой мы считаем Истрию. И именно область экономической экспансии Истрии, образовавшаяся в VI в., стремительно сокращается к началу следующего, V столетия. Среди причин можно назвать несколько.

1. Активизация кочевников-скифов, которая могла привести к одновременному свёртыванию хоры и в Побужье, и в Поднепровье.

гиков V в. до Р.Х. Фигура Скила одинаково безразлична как для фракийцев, так и для скифов. Его преследует сводный брат Октамасад – наполовину скиф, наполовину фракиец, а фракийский царь, у которого Скил ищет убежище, выдаёт его без особых угрызений совести, в обмен на своего собственного брата-«диссидента».

³⁶ К.К. Марченко полагает, что утверждение этой политической доктрины было инициировано скифскими правителями Добруджи. Раннескифский анклав возник здесь, в Мэчинских горах, еще в VII в., а в начале V в. его история уже заканчивается. Возможно, поэтому К.К. Марченко выдвинул предположение, согласно которому система протектората возникла задолго до Ариапифа, еще в первой пол. VI в. до Р.Х. (Марченко К.К. К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье V в. до н.э. // ПАВ. 1993. № 7. С. 44–45; он же. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V–IV вв. до н.э. (сельские поселения Нижнего Побужья) // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 157).

³⁷ Kozlowska V. The Harbour of Olbia // *ACSS*. 2008. Vol. 14. No. 1–2. P. 30 ff.

³⁸ Марченко К.К. Указ. соч. С. 108

2. Усиление собственно Ольвии (возможно, напрямую связанное с действием предыдущего фактора) и, как следствие, обострение экономического соперничества между Ольвией и Истрией. В результате последняя была вытеснена из Нижнего Побужья, а её клерухи частью осели в Никонии, частью вернулись в метрополию.

3. Упадок собственно Истрии, последовавший вслед за разгромом, который пережил город в конце VI в. (или на рубеже VI–V вв.). Возможно, именно после него Истрия уже была не в состоянии оказывать поддержку фракийским общинам в Побужье и в Одесской бухте (см. ниже)³⁹.

Первый пункт, несмотря на возражения противников теории протектората, указывающих на весьма немногочисленные памятники кочевников этого периода⁴⁰, по-прежнему актуален и жизнеспособен. Малое число погребений – неважный по убедительности аргумент. Во-первых, этих самых погребений все равно больше, чем в предыдущую эпоху; во-вторых, это уже новая (другая) культура – среднескифская; в-третьих, редкие захоронения номадов на конкретной территории часто свидетельствует не о малочисленности населения, а о его соответствующем образе жизни, отличавшемся высокой подвижностью. Последнее со всей очевидностью следует из рассказа Геродота о скифо-персидской войне⁴¹.

Второй пункт имеет весьма солидную поддержку со стороны концепции образования единой полисной структуры в Нижнем Побужье путём слияния Борисфена и Ольвии. Но существует проблема датировки этого акта государственности. То, что это событие произошло в пределах VI в. – очевидно. Однако ряд исследователей говорит о раннем, другие о позднем столетии. Совсем недавно версия единого полиса уже на ранней стадии колонизационного процесса в Побужье, получила поддержку со стороны А.В. Буйских. На основе фундаментального изучения ионийской керамики автор пришла к выводу о том, что Ольвия-Борисфен – суть один, ольвийский, полис, уже само основание которого было жёстко регламентировано Милетом (являлось

³⁹ Следы разрушений, возможно, связаны с набегом скифов вдоль побережья Левого Понта ок. 496 г., или походом Дария (см.: *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса... С. 86; *Андрух С.И.* Нижнедунайская Скифия в VI – начале I вв. до н.э. (этнополитический аспект). Запорожье, 1995. С. 88; *Alexandrescu P.* Geten, Skythen und die Chora von Histria in *archaischer Zeit* // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Материалы IV Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Вани – 1985. Тбилиси, 1987. С. 287–289).

⁴⁰ Напр.: *Крижицкий С.Д.* Ольвия і скіфи у V ст. до н.е. До питання про скіфський «протекторат» // *Археологія*. 2001. № 2. С. 23; *Крыжицкий С.Д.* Ольвия и скифы в V в. до н.э. К вопросу о скифском «протекторате» // *АВ*. 2002. № 9. С. 209–210.

⁴¹ Если бы малое число погребений номадов свидетельствовало об их фактической малочисленности, то мы должны были бы объявить недостоверной всю позднеантичную литературную традицию о гуннах в Северном Причерноморье.

«программным актом»)⁴². Согласно второй точке зрения легитимация единого полиса и единого борисфенитского гражданства происходит только в конце архаической эпохи⁴³. А такому единению предшествовал период достаточно напряжённых отношений между Борисфеном и Ольвией, которые, как полагают Я.В. Доманский и Э.Д. Фролов, могли быть обусловлены существованием двух самостоятельных полисных общин⁴⁴. Как долго длился этот период и насколько конфликтным он был, пока сказать трудно. Однако его преодоление в целом совпадает по времени с той цепью событий, которые знаменуют ослабление западного вектора влияния в Побужье.

На мой взгляд, ольвийский полис изначально был более самостоятельным, чем поселение на Березани. Полностью разделяя регламентирующее начало в колонизации, полагаю, тем не менее, что появление этих двух полисов не было взаимообусловлено, а скорее стало следствием проявления двух линий генезиса, исходивших от двух разных субъектов колонизационной деятельности. В результате колонии, возникшие таким образом в низовьях Гипаниса-Борисфена, на начальном этапе либо вообще не были связаны друг с другом, либо плохо взаимодействовали между собой.

Как бы там ни было, но качественно новая полисная структура обрела и новый потенциал, тогда как Истрия продолжала расходовать старый, ресурс которого к концу VI в. был уже практически исчерпан. В соответствии с третьим пунктом, мы можем говорить о том, что его предел был существенно приближен какими-то катастрофическими для Истрии событиями, которые город пережил около 500 г. до Р.Х. Был ли это поход Дария, либо набег скифов по побережью Левого Понта – для нашей темы не слишком существенно. Очевидно, что эти события обострили негативные для Истрии тенденции в её колонизационных анклавах Северо-Западного Причерноморья. А усиление Ольвии привело к полному вытеснению Истрии из Нижнего Побужья.

Однако усиление Ольвии, как оказалось, несло в себе и опасные (или, скажем, нежелательные) тенденции для самого полиса. Действительные, впечатляющие экономические успехи античного города могли заинтересовать третью силу, которая в этот период сама переживает серьёзную качественную трансформацию. Эта сила (в ней мы безошибочно узнаём номадов), преследуя свои цели, могла оказывать существенное влияние на функциональную динамику полиса. Причём, как негативного (сворачивание хоры), так и позитивного свойства. В результате Ольвия попала в зависимость от номадов, форму которой с лёгкой руки Ю.Г. Виноградова и сторонники, и противники этой теории называют протекторатом.

⁴² Буйских А.В. Архаическая расписная керамика Ольвии. Киев, 2013. С. 232.

⁴³ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 82.

⁴⁴ Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII-I вв. до н.э.) // Античное общество. Проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 163.

Идея протектората, таким образом, обретает доктринальные черты политического и экономического свойства, которые предусматривают достижение конкретных целей и устранение препятствий на этом пути. Скифские вожди, которые вместе с обществом начали цивилизационный дрейф от стадии экспансивных военных авантур героической эпохи к упорядоченному культурному пространству, занялись выстраиванием собственной политико-экономической системы с привлечением экспертов и потенциала эллинских государств. Ольвия – безусловно, первый кандидат. Однако на пути к этому строительству пришлось преодолеть наследие прошлого в виде монополии греческих полисов на экономическую политику в регионе и вмешаться в соперничество между Истрией и Ольвией. Это противостояние сложилось задолго до V в. без всякого участия со стороны скифов, к которым понимание всего происходящего пришло значительно позже вместе с практическим интересом к сложившейся конъюнктуре. Мысль об её рациональном использовании могла возникнуть в результате резкого увеличения политического веса, который последовал за ростом популяции кочевников. Этому этапу соответствует период правления Ариапифа и особенно его старшего (?) сына Скила, который, используя своё происхождение и социальный статус, пытался держать под контролем весь северо-западный регион – от Истра до Борисфена. По-видимому, осознание необходимости вмешательства в ситуацию пришло в начале V в., когда с образованием одрисского царства между ним и скифами установилась граница по Дунаю. Истрия воспринималась как выразитель (проводник) идей (влияния) чужого, нередко враждебного государства. Это обстоятельство потребовало уже политического переустройства всей системы международных отношений, сложившейся в Северо-Западном Причерноморье на протяжении VII–VI вв. И история Скила, вероятно, отражает тот критический уровень разногласий по этому поводу внутри скифской элиты, который привел к заговору против правящего монарха, мотивированный победителями (Октамасад) как исключительно идейно-религиозный, направленный на сохранение традиционной системы ценностей⁴⁵.

Что касается фракийского фактора (фракийской традиции) в Северо-Западном Причерноморье, привнесённого сюда главным образом Истрией, то он развивался в режиме свободных контактов греческих полисов, соперничество между которыми в архаическую эпоху носило вполне демократичный характер и сводилось в основном к акциям хозяйственно-экономического свойства. С образованием одрисского царства и политической консолидацией скифского общества в

⁴⁵ Один из вариантов развития реальной подоплёки вокруг новеллы о царе Скиле обрисовал Ю.Г. Виноградов в присущей ему яркой и художественной манере (*Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 108*). А о необязательности непримиримых идейных противоречий между сводными братьями – Скилом и Октамасадом – вполне правдоподобно рассуждает Т.М. Кузнецова (*Кузнецова Т.М. Анахарсис и Скил // КСИА. 1984. № 178. С. 14*). Её трактовка вызвала положительный отклик Ю.Г. Виноградова (*Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 100*).

начале V в. формируются две политические системы, каждая из которых обладала чертами раннегосударственного образования. На этом эпоха спонтанной демократии в регионе, которую определяли разрозненные полисы и совершенно невлиятельные, разобщённые мелкие группировки номадов, завершилась. Начинается эпоха государственности, которая требовала более жесткого соблюдения своих интересов. Династические браки и разные дипломатические акции, о которых мы знаем благодаря Геродоту, только подтверждают наличие политической горизонтали в регионе. О том же свидетельствует и пограничный статус, который довольно быстро обретает Истр. Разумеется, это нельзя считать непреодолимым барьером для взаимопроникновения. Однако отныне Истр обозначает западную границу области преимущественного влияния номадов и северо-восточную такой же области влияния одрисов. Контакты между полисами каждой из этих зон вряд ли были как-то ограничены или регламентированы. Но вот что касается расширения сфер влияния при помощи политики расселения граждан (и неграждан) полиса и округи, то этот проект в новых условиях стал практически неосуществим. Таким образом, фракийский фактор в Северо-Западном Причерноморье постепенно сходит на нет и в конце концов сохраняется только в ограниченном анклав в низовьях Тираса – Никонии. Здесь ситуация складывалась по-иному, исходя из специфики местных условий. Никоний к тому времени уже был самостоятельным настолько, что не зависел от экстенсивных мер поддержки со стороны метрополии. Не исключено, что возвышение города, начавшееся со второй четверти V в., – начало каменного домостроительства, сооружение оборонительной системы, чеканка монеты⁴⁶, – во многом было обусловлено именно ослаблением влияния Истрии.

Возвращаясь же к сюжетным линиям, обозначенным в данной работе, я предлагаю наряду с событиями, восстановленными и в целом принятыми (с исправлениями и дополнениями) уже довольно давно, при анализе ситуации в регионе учитывать ещё один фактор прямого действия, который, кажется, ранее в расчёт не принимался. Речь идёт об отношениях между двумя крупнейшими полисами Северо-Западного Причерноморья – Истрией и Ольвией. Эта тема, намеченная здесь, получает развитие в следующем, самом коротком сюжете.

Сюжет третий. Поселения Одесского залива: в поисках метрополии.

Интерес Истрии к районам, лежавшим к северо-востоку, не был кратковременным и ситуативным. Если согласиться с тем, что Истрия вкладывала ресурсы в становление Борисфена, принимала активное участие в освоении Нижнего Побужья и была метрополией Никония, то этот самый интерес, во-первых, не ослабевал на протяжении по меньшей мере столетия, а, во-вторых, представлял собой часть свое-

⁴⁶ Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. Киев, 1989. С. 114.

образной концепции развития придунайского полиса посредством хозяйственно-экономической экспансии.

На этом пути находился и район нынешнего Одесского залива, весьма удобный для устройства гавани и совершенно бесперспективный с точки зрения водных коммуникаций, ведущих вглубь хинтерланда. Тем не менее, уже в самом конце архаической эпохи побережье Одесской бухты было освоено элинами. В последней четверти VI в. до Р.Х. здесь возникают 3 поселения – Лузановка, Жевахова гора и Приморский бульвар. По имеющимся на сегодняшний день данным ни один из этих населённых пунктов не может претендовать на статус полиса. Тем самым наличие ещё одного, независимого от остальных района колонизации в данном случае кажется маловероятным. Однако похоже, что эта зона попала в поле зрения какого-то из уже существовавших на то время крупных полисных центров Северо-Западного Причерноморья. Выбор в данном случае ограничен до предела. Это могла быть либо Истрия, либо Ольвия⁴⁷. Прямыми свидетельствами в пользу какого-либо из них мы не располагаем. Поэтому, обратимся к косвенным данным.

Поздняя литературная традиция (Агг. PPE. 31; Ps.-Агг. 87) донесла до нас некий топоним, локализация которого на берегах Одесской бухты выглядит, по мнению большинства исследователей, весьма вероятной – Гавань Истриан. Для всех трех вышеупомянутых поселений наиболее репрезентативными являются слои с материалами IV в. до Р.Х. Однако каждое из них содержит еще и материалы позднеархаического времени, которые лучше всего представлены на поселении Приморский бульвар, что в сотне метров от Одесского археологического музея⁴⁸. В принципе, эти самые материалы совершенно не противоречат тому, чтобы именно данное поселение считать Гаванью Истриан⁴⁹. Напомню, что Ю.Г. Виноградов видел в этом топониме селенную апойкию Истрии, а П.О. Карышковский и И.Б. Клейман – результат миграции из Подунавья на северо-восток племени истриан⁵⁰. Упомянутые точки зрения считают признаком разногласий по

⁴⁷ См. напр.: *Буйских А.В.* О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья... С. 34.

⁴⁸ *Красножон А.В.* Раскопки на Приморском бульваре в Одессе // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья.* М.-лы конф., посв. 40-летию начала раскопок Никония. Одесса, 1997. С. 161–165; *Добролюбовский А.О.* В поисках античной Одессы // *Stratum plus.* 1999. № 3. С. 249–250; *Бруяко И.В.* Формирование фракийской «диаспоры»... С. 219–220; *он же.* Ранние кочевники в Европе... С. 226.

⁴⁹ Хотя для нашего сюжета не столь уж важно, какое из трёх поселений имело такое название. Возможно, так называлась бухта в целом и агломерация посёлков на её берегах. Все они находились в пределах прямой видимости друг друга на отрезке берега длиной 10 км. Возможно, в разное время так назывались разные поселения.

⁵⁰ *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса... С. 68; *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 39–40. При этом, справедливости ради, нужно сказать, что никто из этих авторов не отождествлял Гавань Истриан с каким-либо археологическим памятником.

поводу этно-политического содержания этой поселенческой структуры. Однако очевидно, что обе версии отнюдь не исключают друг друга. Версия Ю.Г. Виноградова предполагает прямую вторичную колонизацию. Версия одесских учёных – в принципе тоже самое, но в более сложном, непрямом исполнении. Если истриане, как полагают, это гетское (фракийское) население низовьев Дуная, то они не могли находиться совершенно вне пределов сферы влияния Истрии. Опираясь на этот почти очевидный факт, можно высказать неочевидное предположение, что это фракийское население могло быть связано с Истрией настолько тесно, что служило проводником влияния этого полиса в северо-восточном направлении. И тогда допустимо поставить вопрос о практике целенаправленного расселения обитателей полиса и его хоры, в сущности своей мало чем отличавшееся от политики выведения клерухий афинским государством в V в. до Р.Х.⁵¹

Концептуальное противоречие можно увидеть в связи с общепринятым мнением об ольвийской перее на побережье Одесского залива. Тезис, выдвинутый в своё время И.Б. Брашинским⁵², является вполне обоснованным положением, с которым согласны многие исследователи⁵³. Причём, в основе этого согласия лежит уже анализ конкретного археологического материала. В частности, речь идёт о лепной керамике из поселений Одесского залива, которая имеет ряд особенностей. Во-первых, здесь чрезвычайно мало фракийских форм. Во-вторых, вся коллекция типологически и морфологически стоит ближе к восточному («ольвийскому») комплексу лепной керамики, чем к западному («истрийско-никонийскому»)⁵⁴. Эти факты неоспоримы и их необходимо согласовать с версией истрийской гегемонии. Такое согласование вполне возможно. Прежде всего, нужно помнить о специфике изученности памятников на территории Одессы. Эту специфику определяет их современная топография и крайне ограниченные перспективы изучения. Площади исследованы в целом небольшие. Мате-

⁵¹ Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе... С. 226.

⁵² Брашинский И.Б. Рец.: A. Wąsowicz. Olbia et son territoire. L'aménagement de l'espace (Centre de recherches d'histoire ancienne. Vol. 13. Annales littéraires de l'université de Besançon, 168). Paris, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 303.

⁵³ Диамант Э.И. Монетные находки Кошарского поселения (К вопросу о западной границе ольвийского полиса) // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978. С. 240–241; он же. О датировке Лузановского поселения // Новые археологические исследования на Одесчине. Киев, 1984. С. 87; Рубан В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 30–31, 35; Буйских С.Б. Между Истрией и Ольвией (античные поселения Дунай-Днепровского междуречья) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тез. докл. VIII междунар. конф. Ростов-на-Дону, 1996. С. 64; Редина Е.Ф. Античные памятники Одесского залива и вопросы определения западной границы ольвийского государства // Ольвия та античний світ. Матли наукових читань, присвяч. 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. Київ, 2001. С. 110–112.

⁵⁴ Диамант Э.И. Лепная керамика поселений Одесского залива IV–III вв. до н.э. // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 127–143.

риалы и комплексы, полученные в результате раскопок, в том числе и лепная керамика, относятся главным образом к позднему периоду истории этих поселений – IV в. до Р.Х. В это время здесь на месте относительно небольших посёлков с земляночной архитектурой появляются каменные постройки вполне урбанистического облика. В то же время те немногочисленные в целом материалы архаического времени, которые в более или менее массовом количестве происходят лишь с поселения Приморский бульвар, находят параллели скорее в истрийском полисе, чем в Ольвии. Речь идёт о комплексе сероглиняной керамики, полученной при раскопках, а также монетных находках, обнаруженных в этой части Одессы в разное время, при разных обстоятельствах⁵⁵.

Таким образом, в зону влияния ольвийского полиса этот район попадает уже после того, как в эпоху поздней архаики он находился в зоне экономических интересов Истрии. Перерыв жизнедеятельности поселений Одесского залива, который приходится на большую часть V в. до Р.Х., вполне соответствовал бы такой смене метрополии.

Сюжет четвёртый. Крымский след в колонизации Побужья.

Мне представляется (в том числе, и в свете сказанного здесь), что самой большой загадкой эллинско-варварского культурного диалога в Побужье является не скифский фактор и не фракийская культурная традиция. Этой загадкой нужно считать наличие на Березани типичной таврской керамики. В том, что это керамика кизил-кобинской культуры таврской эпохи, сомнений быть не может⁵⁶. И то, что к распространению её на острове могли быть причастны именно тавры, – тоже. Даже если немного сгладить полемичность этого тезиса, прибегнув к версии о торговле этой посудой, или привнесения её в культуру ранней Березани не таврами, а каким-то иным народом-посредником⁵⁷, мы всё равно имеем дело с фактом, который прямо свидетельствует о наличии форм межкультурного общения между областью обитания тавров и колонистами Березани. Причём этот факт засвидетельствован уже на самом раннем этапе истории Березани.

Проблема же заключается в том, что самое простое объяснение этому факту – межполисные контакты, как в случае с фракийской керамикой, – здесь использовать невозможно. Дело в том, что таврская керамика появляется в Побужье примерно за 100 лет до того, как в Крыму (исключая Боспор) возникают первые эллинские поселения. Ближайшей по времени и месту колонией, где зафиксирована кизил-кобинская керамика, является Керкинитида, основанная во второй пол.VI в. до Р.Х. При том, что во всём Северо-Западном Крыму собст-

⁵⁵ По неофициальным данным на территории поселения при локальных строительных работах был найден клад мелкой истрийской меди – «колёсинок».

⁵⁶ Полвека назад об этом уверенно говорил А.М. Лесков (Лесков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. С. 161).

⁵⁷ Например, скифами см.: Марченко К.К. Указ. соч. С. 120.

венно кизил-кобинских поселений нет вообще⁵⁸ и Керкнитиды сама привлекла к себе тавров из их традиционных районов обитания в горном Крыму. Но к концу эпохи архаики пик распространения кизил-кобинской керамики в Побужье – вторая пол. VII – середина VI вв. – уже пройден. Во второй половине VI в., по наблюдениям К.К. Марченко, число такой керамики уже крайне незначительное, а в V в. её и вовсе уже нет⁵⁹. В Ольвии этой столовой посуды вообще очень мало. А в округе полиса кизил-кобинская керамика найдена лишь на тех поселениях, которые возникли в первой половине VI в. до Р.Х.⁶⁰ Вот и выходит, что исчезновение таврской керамики в Побужье и её появление в Северо-Западном Крыму имеет хронологически последовательный характер и может оказаться взаимосвязанным.

Некоторый итог обсуждения темы таврской керамики можно свести к трём положениям.

Во-первых, это безусловно таврская керамика. Её главные признаки настолько индивидуальны и выразительны, что их совершенно невозможно отнести на счёт каких-то подражаний, имитаций и пр. Именно эта керамика является едва ли не абсолютным аргументом *contra* концепции эллинского происхождения лепной керамики. Это тот редчайший случай, когда в археологии можно что-либо *утверждать* практически без риска ошибиться в обозримом будущем. А именно, что такая керамика никогда не будет найдена ни в одном из больших и малых центров Эгейского мира в качестве продукта местного производства. Следовательно, все попытки приписать эту керамику каким-то группам эллинов, которые исстари лепили её у себя на родине, а затем привезли эту гончарную традицию с собой в Причерноморье, – обречены на неудачу.

Во-вторых, появление этой керамики на Березани означает и появление здесь самих тавров. Это лишний раз свидетельствует о тех центростремительных тенденциях, которые были характерны для греческого полиса раннеархаической эпохи. Будучи качественно новым культурным явлением, он служил сильнейшим аттрактором для местного населения. Поскольку в VII–VI вв. популяционное пространство Северного Причерноморья было весьма неплотным, то сила культурной гравитации отдельного полиса могла достигать весьма отдалённых областей.

Третье положение касается практического способа попадания керамики на Березань или пути миграции таврского населения. Морской путь столь же вероятен, как и сухопутная миграция. Однако морской путь предполагает взаимопроникновение с соответствующими вещественными доказательствами. Их-то как раз и нет в Крыму ни для VII, ни для большей части VI в. А вот наличие таковых в Побужье в виде таврской керамики в слоях VII–VI вв. заставляет всерьёз

⁵⁸ Кравченко Е. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ-Луцьк, 2011. С. 97–98.

⁵⁹ Марченко К.К. Указ. соч. Рис. 36.

⁶⁰ Там же. С. 90.

задуматься о сухопутном передвижении населения, причём, в одном направлении. Стоит добавить, что в VII в. маршрут этой миграции был значительно короче, чем мог быть сегодня. Дело в том, что восточная часть нынешнего Каркинитского залива не была затоплена морем. Береговая линия здесь проходила примерно на траверзе устья р. Каланчак⁶¹.

Таврская керамика иллюстрирует четвёртый сюжет применительно ко второй пол. VII–VI вв. до Р.Х. Для освещения этого же сюжета в течении V в. данных у нас пока нет. Однако они появляются в следующем, IV столетии на западной периферии ольвийского полиса. Речь идёт о достаточно хорошо известном античном памятнике – поселении Кошары. Населённый пункт здесь был основан ещё в V в. до Р.Х. и впоследствии развился в крупный аграрный посёлок усадебного типа. Впервые идентификация Кошар как поселения усадебного типа была предложена на основании дешифровки аэрофотоснимков⁶². Тогда же к северу от посёлка были зафиксированы весьма отчётливые следы линейного межевания. Этот факт оставался всего лишь фактом, не требующим пояснений вплоть до недавнего времени, пока земельные наделы фиксировались лишь в отдельных античных анклавах Северного Причерноморья. Ныне же, когда благодаря многолетним изысканиям различных исследователей (работы Я.М. Паромова, Г.П. Гарбузова, Ю.В. Горлова, Ю.А. Лопанова, Ф.Н. Лисецкого, Т.Н. Смекаловой и др.) системы межевания открыты почти повсеместно, открылась и возможность использовать этот фактор не только по прямому назначению – в деле исследования аграрной истории региона, но и для решения вопросов межполисных отношений.

Применительно к интересующему нас району речь может идти вот о чём. Установлено, что характер размежёвки ближней сельскохозяйственной округи античных поселений в Северном Причерноморье определяется двумя системами – ортогональной (линейной) и иррегулярной (нелинейной). Линейное межевание полностью преобладает на памятниках западной половины Крымского полуострова (округа Херсонеса, Тарханкут). А в Северо-Западном Причерноморье, включая

⁶¹ Бруйко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г. Изменения уровня Чёрного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Сер. Памятниковедение. М., 1991. Вып. 2. Прилож. Рис. 3; Бруйко И.В., Карпов В.А. Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. 1992. № 2. С. 90. Рис. 1.

Есть и другие, не слишком, быть может, явные указания на существование связей или даже локальных миграционных потоков между Крымом и Нижним Побужьем в позднеархаический период (Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990. С. 145–146; Соловьёв С.А. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб., 2000. С. 105).

⁶² Бруйко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъёмки // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991.

Побужье, Поднепровье и Поднестровье столь же безраздельно господствует иррегулярная система. И только в одной микроне ближняя округа была размежёвана по ортогональной схеме. Это окрестности поселения Кошары в устье Тилигула. Согласимся, что подобная исключительность одиноко расположенного посёлка на дальней периферии ольвийской хоры вызывает интерес и желание её объяснить.

С учётом исторических коллизий в этой части понтийского региона на протяжении IV в. до Р.Х. и в полном соответствии с темой данного сюжета кажется, что этот новый фактор может повлиять на ход давней дискуссии об ольвийско-крымских взаимоотношениях в течение указанного столетия. Напомню, что речь идёт о достаточно интенсивных контактах между этими двумя районами. Причём, в начале этой истории Ольвия оценивается как субъект, а крымские земли скорее как объект таких отношений, а качественная сторона этих отношений могла варьировать по мнению разных исследователей от социально-экономической (хозяйственной) до военно-политической. Мы не будем касаться возможных вариантов реконструкции событий. Отметим лишь, что в результате область Северо-Западного Крыма подверглась колонизации со стороны ольвийского полиса. Одним из ключевых археологических памятников в данной истории является здание У7 на поселении Панское I, которое определяют как ольвийский форт, возникший в первой четверти IV в. В середине этого же столетия форт был сожжён, после чего он вместе с другими поселениями Северо-Западного Крыма вошёл в состав уже херсонесского полиса⁶³.

Мне кажется, что было бы полезно задействовать в данной дискуссии феномен Кошар, чего до сих пор сделано не было. Важной в этом случае была бы информация о динамике функционирования Кошарского поселения и времени нарезки наделов. Е.Ф. Редина выделяет в истории поселения три строительных периода. Первый: конец V – первая пол. IV вв. (земляночный период). Второй: середина (третья четв.) – конец IV в. (оборонительная линия, наземные дома, правильная планировка, дворики). Третий: конец IV–III вв. (рубеж 1–2 третей, по-видимому). Как пишет автор, оборонительная стена перестает выполнять свои функции и к ней с внутренней (!) стороны пристраивается большое число различных помещений⁶⁴. Подобные случаи действительно встречаются, однако характерным это следует считать только для городских центров и на совершенно определённых этапах их жизнедеятельности. А именно это может иметь место либо в период политического и экономического расцвета, либо в случае глубокой деградации городского центра. Первый эпизод обычно сопровождается расширением городской территории и, как следствие, – сооружением

⁶³ *Hannestad L., Stolba V.F., Ščeglov A.N.* Panskoye I. The Monumental Building U6. Aarhus, 2002. Vol. I. P. 16–17; *Золотарёв М.И.* Была ли херсонесско-ольвийская война в середине IV в. до н.э.? // *Ольвийские древности. Сб. научных трудов памяти В.М. Отрешко.* Киев, 2009. С. 197–199.

⁶⁴ *Редина Е.Ф.* Кошары // *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья.* Одесса, 2013. С. 584–585.

новой линии обороны. Старая при этом остаётся и, имея вспомогательное значение, может использоваться как уже готовый сегмент постройки. Во втором случае надобность в стене отпадает по причине отсутствия возможности (либо желания) её защищать. Рациональное начало при использовании стены в этом случае объясняется, прежде всего, крайне низким жизненным уровнем населения.

Обособление двух последних строительных периодов Кошарского поселения вызывает некоторые сомнения, в том числе и из-за микрохронологии второго этапа – полтора-два десятка лет. Такой отрезок трудноуловим даже по меркам античной археологии. Кроме того, это требует объяснения, одно из которых предлагается ниже по тексту. Не исключено, что второй и третий горизонты можно объединить в один – после середины IV–60-е гг. III вв. Упомянутые уже пристройки к обводной стене, которые, по мнению автора раскопок, маркируют 3 этап – скорее всего, являются постройками коллективной усадьбы по внутреннему периметру стен. Тогда весьма вероятно, что правильная размежёвка Кошар соответствует второму строительному горизонту – возникновению коллективной усадьбы.

Сельскохозяйственные усадьбы – явление весьма загадочное на хоре Ольвии. Исследователи никак не могут определиться с численностью этих памятников. Авторы монографии, посвящённой хору Ольвии, высказываются на этот счёт невнятно⁶⁵. В.М. Отрешко в очень кратких тезисах говорил о массовом распространении коллективных усадеб в Побужье⁶⁶. Это вызвало возражение В.В. Рубана, в статье которого можно, наконец, отыскать цифровые данные по интересующему нас вопросу. Речь идёт о трёх (или четырёх) коллективных усадьбах⁶⁷. Однако в этой же статье чуть ранее тот же автор пишет о трёх десятках этих т.н. периметральных усадеб, из которых раскопана лишь одна⁶⁸. Тем самым дело окончательно запутывается. Остаётся предположить, что в основе столь существенной количественной разницы лежат неочевидные данные, в интерпретации которых ведущую роль играет субъективное начало. Видимо, речь может идти о выводах, основанных на визуальных обследованиях поселений в сочетании со сборами подъёмного материала. В этом случае мы вправе оперировать лишь данными стационарных археологических раскопок. Тогда на сегодняшний день в Нижнем Побужье для IV в. доподлинно известна лишь одна такая усадьба – Дидова Хата⁶⁹. Изолированное положение этого объекта должно было бы вызвать законное желание ис-

⁶⁵ *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 120–124.

⁶⁶ *Отрешко В.М.* О миксэлинах // Ольвийские древности. Сб. научных трудов памяти В.М. Отрешко. Киев, 2009. С. 59.

⁶⁷ *Рубан В.В.* Указ. соч. С. 42.

⁶⁸ Там же. С. 37.

⁶⁹ Ещё одна усадьба функционировала в Побужье в последней трети V в. до Р.Х. (*Буйских С.Б.* Древнейшие античные сельскохозяйственные усадьбы Нижнего Побужья // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Херсонского музея древностей). Херсон, 1990. Ч. 2. С. 51–52).

следователей искать причины его появления в низовьях Ю. Буга и, самое главное, – первичный ареал таких памятников. В первом приближении, учитывая общеизвестный факт широкого распространения усадеб в Крыму, поиски следовало бы вести в этом направлении. Однако Дидова Хата сама служит прообразом и первопричиной появления усадеб в Северо-Западном Крыму. При этом отмечается большое сходство между усадьбами Дидова Хата и Панское I. Правда, это сходство очевидно не для всех⁷⁰.

Сельские усадьбы являлись лишь одним из аргументов для подтверждения ольвийской экспансии в Крым. К числу других относятся подбойные могилы, сырцовые склепы и особый тип каменных жертвенников. Что можно сказать по этому поводу?

Подбойные могилы вряд ли годятся для определения вектора влияния, ибо они явление, видимо, общепричерноморское, а не сугубо крымское. Помимо Ольвии, такой тип погребальных сооружений хорошо известен в низовьях Тираса, в частности в погребениях IV в. курганного некрополя Никония⁷¹. В Ольвии подбойные могилы открыты уже в позднеархаическом некрополе.

Сырцовые склепы. Этот тип погребального сооружения совершенно неизвестен в Ольвии, широко распространён в Северо-Западном Крыму и известен, правда в единственном числе, на некрополе Кошарского поселения⁷². Если же говорить о применении сырцовых кирпичей вообще в погребальном обряде, то тогда ряд аналогий станет более широким. Так, в Ольвии известно несколько случаев облицовки сырцовыми кирпичами стенок могильных ям⁷³. А в Кошарах сырцовые кирпичи массово использовались для заклада подбоев и склепов-катакомб⁷⁴. Тем самым, сырец в погребальной архитектуре, вероятно, можно считать оригинальным крымским вкладом, который был привнесён в район Нижнего Побужья⁷⁵.

Погребальные *жертвенники с чашеобразными углублениями* известны и в Побужье (включая Кошары) и в Северо-Западном Крыму⁷⁶. Определить приоритетную область не представляется возможным.

⁷⁰ Краткую, но вполне исчерпывающую историографию вопроса см.: *Кутайсов В.А.* Ольвия и Северо-Западный Крым // *Ольвия та античний світ. Матеріали наукових читань, присвяч. 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України.* Київ, 2001. С. 77–80; *он же.* Керкинитида в античну епоху. Київ, 2004. С. 109–111 (с литературой).

⁷¹ *Bruyako I.V.* The necropolis of Nikonion // *Nikonion. An ancient city on the Lower Dniester. Commemorative paper for the 40th anniversary of the archaeological excavations at Nikonion.* Toruń, 1997. Tabl. 1.

⁷² *Редина Е.Ф.* Кошары... С. 589.

⁷³ *Кутайсов В.А.* Ольвия и Северо-Западный Крым... С. 79.

⁷⁴ *Редина Е.Ф.* Кошары... С. 587.

⁷⁵ Хотя, опять-таки, сырец широко применялся при сооружении подпорных слоёв (т.н. субструкций, или слоевых оснований) и в Ольвии, и в Никонии. Известны такие слои в Тире.

⁷⁶ *Кутайсов В.А.* Ольвия и Северо-Западный Крым... С. 79; *Редина Е.Ф.* Кошары... С. 590.

Наконец, новый аргумент представляется весьма основательным и сводится к следующему. *Линейная система размежевки* наделов Кошар объединяет этот посёлок не с сельскими поселениями Ольвии, земли которых, включая и округу самого полиса, распаёваны иррегулярно, а с линейной системой межевания, которая безраздельно господствует в Западном Крыму.

При всём сходстве (или даже тождественности) архитектурно-планировочного облика Кошар и Дидовой Хаты примечателен следующий факт. Общая площадь наделов Дидовой Хаты (122 га)⁷⁷ и Кошар (120–125 га)⁷⁸ практически совпадает. Но при этом надель ольвийской усадьбы, согласно Ф.Н. Лисецкому, размежёваны по той же иррегулярной системе, что и остальная хора Ольвии. То есть, представления о необходимой площади земель сельскохозяйственного назначения для поселений усадебного типа одни, а стандарты их межевания – разные.

Итак, взамен идеи о колонизации ольвиополитами северо-западного Крыма, которая, вероятно, и вправду не имеет под собой «...достаточно серьезных оснований»⁷⁹, предлагается рассмотреть возможность действия вектора обратной направленности. В конце V в. в ходе т.н. реколонизации на западной окраине ольвийского полиса возникает поселение Кошары. Приблизительно до середины IV в. (I строительный горизонт) оно представляет собой обычный (неурбанистический) тип сельских поселений. Урбанистическое начало привносится после (или около) середины IV в. при участии переселенцев из Крыма. Поселение перестраивается по типу усадьбы. Одновременно эта же группа населения размежёвывает ближнюю округу по своему привычному стандарту. Политический статус посёлка во второй половине IV в. до конца неясен. Скорее всего, на протяжении всей своей истории Кошары находились в составе ольвийского полиса. Однако не исключено, что на короткий период поселение выходит из-под юрисдикции Ольвии, а спустя 15–20 лет вновь туда возвращается. Этот отрезок как раз и может соответствовать второму строительному горизонту (см. выше), и тогда подтверждается трёхступенчатая схема строительных горизонтов, предложенная Е.Ф. Рединой. Примечательна в этом плане динамика поступления ольвийской меди, которая составляет абсолютное большинство монетных находок в Кошарах. В свою очередь, большинство монет из этой выборки датируется начиная от последней четверти IV в.⁸⁰, а это соответствует третьему, последнему периоду в истории поселения Кошары.

⁷⁷ Лисецкий Ф.Н. Система античного землеустройства в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. КС ОАО 1994. Одесса, 1994. С. 241.

⁷⁸ Бруйко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. Указ. соч. Рис. 4.

⁷⁹ Буйских С.Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // ССПіК. 2009. Т. XV. С. 231.

⁸⁰ Редина Е.Ф. Кошары... С. 594.

* * *

Все 4 сюжета, рассмотренные в данной работе, касаются западной половины северопонтийского региона и тех событий, которые происходили здесь на протяжении трёх с половиной столетий. Несмотря на некоторую хронологическую и территориальную дискретность, они могут быть объединены в рамках фракийской (шире – греко-варварской) тематики, а также проблемы межполюсных отношений в регионе. И если первый аспект в основном выглядит как полемика, то второй, хочется думать, заключает в себе некую новизну и позволяет шире взглянуть на исторические процессы, протекавшие в Северо-Западном Причерноморье в VII–IV вв. до Р.Х.

Литература:

- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.
- Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I вв. до н.э. (этнополитический аспект). Запорожье, 1995.
- Брашинский И.Б. Рец.: A. Waśowicz. Olbia et son territoire. L'aménagement de l'espace. (Centre de recherches d'histoire ancienne. Vol. 13. Annales littéraires de l'université de Besançon, 168). Paris, 1975 // СА. 1977. № 3.
- Бруяко И.В. Предметы вооружения из Никония // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев, 1989.
- Бруяко И.В. Лепная керамика греческого Никония // Древности Причерноморских степей. Киев, 1993.
- Бруяко И.В. Северо-Западное Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Начало колонизации Нижнего Поднестровья // АМА. 1993. Вып. 9.
- Бруяко И.В. Формирование фракийской «диаспоры» в Нижнем Побужье в архаическую эпоху // БФ. 2004. Ч. II.
- Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе. X–V вв. до Р.Х. Кишинёв, 2005.
- Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г. Изменения уровня Чёрного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. (Сер. Памятниковедение). М., 1991. Вып. 2.
- Бруяко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъёмки // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991.
- Бруяко И.В., Карпов В.А. Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. 1992. № 2.
- Бруяко И.В., Ярошевич Ю.И. Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае. Одесса, 2001.
- Буйских А.В. О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?) // ВДИ. 2013. № 1.
- Буйских А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев, 2013.
- Буйских С.Б. Древнейшие античные сельскохозяйственные усадьбы Нижнего Побужья // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Херсонского музея древностей). Херсон, 1990. Ч. 2.
- Буйских С.Б. Между Истрией и Ольвией (античные поселения Дунай-Днепровского междуречья) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тез. докл. VIII междунар. конф. Ростов-на-Дону, 1996.

- Буйских С.Б.* Земляночное домостроительство эпохи колонизации Северного Причерноморья (на примере Нижнего Побужья) // *БИ.* 2005. Т. IX.
- Буйских С.Б.* К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени // *ССПіК.* 2007. Т. XIV.
- Буйских С.Б.* Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // *ССПіК.* 2009. Т. XV.
- Булатович С.А.* Денежное обращение в междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра в античное время // *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья.* Одесса, 2013.
- Булатович С.А.* Находки литых монет Истрии в Северо-Западном Причерноморье и проблема их интерпретации // *Древнее Причерноморье.* М-лы X чтений памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса, 2013. Вып. X.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. (историко-эпиграфическое исследование). М., 1989.
- Виноградов Ю.Г.* Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный // *НЭ.* 1999. Т. XVI.
- Диамант Э.И.* Монетные находки Кошарского поселения (К вопросу о западной границе ольвийского полиса) // *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья.* Киев, 1978.
- Диамант Э.И.* Лепная керамика поселений Одесского залива IV–III вв. до н.э. // *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья.* Киев, 1984.
- Диамант Э.И.* О датировке Лузановского поселения // *Новые археологические исследования на Одещине.* Киев, 1984.
- Добролюбский А.О.* В поисках античной Одессы // *Stratum plus.* 1999. № 3.
- Доманский Я.В., Марченко К.К.* Борисфен: к вопросу о базовой функции колонии. Начало // *Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет.* Тез. докл. конф. СПб., 2001.
- Доманский Я.В., Марченко К.К.* К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена // *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ.* Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007.
- Доманский Я.В., Фролов Э.Д.* Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // *Античное общество. Проблемы политической истории.* СПб., 1997.
- Загинайло А.Г., Карышковский П.О.* Монеты скифского царя Скила // *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы.* Кишинёв, 1990.
- Золотарёв М.И.* Была ли херсонесско-ольвийская война в середине IV в. до н.э.? // *Ольвийские древности.* Сб. научных тр. памяти В.М. Отрешко. Киев, 2009.
- Зубарь В.М.* Борисфен и некоторые проблемы греческой колонизации Нижнего Побужья // *Stratum plus.* 2005–2009. № 3.
- Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев, 1988.
- Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев, 1985.
- Колесников М.А.* К методике определения границ античной сельской округи (на примере Нижнего Побужья и Европейского Боспора) // *Ольвийские древности.* Сб. научных тр. памяти В.М. Отрешко. Киев, 2009.
- Кравченко Е.* Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ-Луцьк, 2011.
- Красножон А.В.* Раскопки на Приморском бульваре в Одессе // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья [М-лы конф., посв. 40-летию начала раскопок Никония].* Одесса, 1997.

- Крижицький С.Д.* Ольвія і скифи у V ст. до н.е. До питання про скифський «протекторат» // Археологія. 2001. № 2.
- Крыжицкий С.Д.* Ольвия и скифы в V в. до н.э. К вопросу о скифском «протекторате» // АВ. 2002. № 9.
- Крыжицкий С.Д.* О двух тенденциях в исследовании проблем греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье VI–V вв. до н.э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва-Киев-Запорожье, 2007.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999.
- Кузнецова Т.М.* Анахарсис и Скил // КСИА. 1984. № 178.
- Кутайсов В.А.* Античный город Керкинитида. Киев, 1990.
- Кутайсов В.А.* Ольвия и Северо-Западный Крым // Ольвия та античний світ. М-ли наукових читань, присвяч. 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. Київ, 2001.
- Кутайсов В.А.* Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.
- Лесков А.М.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965.
- Лисецкий Ф.Н.* Система античного землеустройства в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. КС ОАО 1994. Одесса, 1994.
- Марченко К.К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I вв. до н.э. (по материалам лепной керамики). Л., 1988.
- Марченко К.К.* К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье V в. до н.э. // ПАВ. 1993. № 7.
- Марченко К.К.* К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V–IV вв. до н.э. (сельские поселения Нижнего Побужья) // Stratum plus. 1999. № 3.
- Назаров В.В., Соловьёв С.А.* Оружие архаической Березани // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Носова Л.В.* Импорт изделий или «импорт» традиции (в связи с новыми находками «иллирийских булавок» в Северо-Западном Причерноморье) // МАСП. 2009. Вып. 9.
- Отрешко В.М.* О миксэлинах // Ольвийские древности. Сб. научных трудов памяти В.М. Отрешко. Киев, 2009.
- Редина Е.Ф.* Античные памятники Одесского залива и вопросы определения западной границы ольвийского государства // Ольвия та античний світ. М-ли наукових читань, присвяч. 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. Київ, 2001.
- Редина Е.Ф.* Кошары // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013.
- Рубан В.В.* Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1.
- Рубан В.В., Урсалов В.Н.* Из истории денежного обращения в Нижнем Побужье доримского времени // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинёв, 1990.
- Секерская Н.М.* Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. Киев, 1989.
- Сенаторов С.Н.* Лепная керамика поселения на острове Березань: из раскопок Государственного Эрмитажа 1963–1991 гг. // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб, 2005. Т. 1.

- Соловьёв С.Л. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Соловьёв С.Л. Народы Малой Азии и проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сб. науч. трудов, посв. 65-летию проф. В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013.
- Alexandrescu P. Geten, Skythen und die Chora von Histria in archaischer Zeit // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. М-лы IV Всесоюзн. симпоз. по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Вани 1985. Тбилиси, 1987.
- Bruyako I.V. The necropolis of Nikonion // Nikonion. An ancient city on the Lower Dniester. Commemorative paper for the 40th anniversary of the archaeological excavations at Nikonion. Toruń, 1997.
- Dupont P., Lungu V., Solovyov S. Ceramiques anatoliennes du Pont-Euxin archaïque // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. М-лы XII междунар. научн. конф. Ростов-на-Дону, 2009.
- Hayes J.W. The villa Dionysos excavations Knossos: The pottery // BSA. 1983. No.78.
- Kozlovskaya V. The Harbour of Olbia // ACSS. 2008. Vol. 14. No. 1–2.
- Hannestad L., Stolba V.F., Ščeglov A.N. Panskoye I. The Monumental Building U6. Aarhus, 2002. Vol. I.
- Papadopoulos S. The “Thracian” pottery of South-East Europe: a contribution to the discussion on the handmade pottery traditions of the historical period // BSA. 2001. No. 96.